

ИСТОРИИ, НАШЕПТАННЫЕ ТЬМОЙ

Джон Лэнган РЫБАК

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
Л92

John Langan
THE FISHERMAN

This edition is published by arrangement
with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского: Григорий Шокин

Дизайн обложки и иллюстрации: Диана Бигаева

ISBN 978-5-17-175186-9

© John Langan, 2016
© Григорий Шокин, перевод, 2018
© Диана Бигаева, иллюстрация, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

РЫБАК

Посвящается Фионе

Может быть, своей бескрайностью она предрекает нам бездушные пустоты и пространства вселенной и наносит нам удар в спину мыслью об уничтожении, которая рождается в нас, когда глядим мы в белые глубины Млечного Пути?

...Если представить себе все это, то мир раскинется перед нами прокаженным паралитиком; и подобно упрямым путешественникам по Лапландии, которые отказываются надеть цветные очки, жалкий безбожник ослепнет при виде величественного белого покрова, затянувшего всё вокруг него. Воплощением всего этого был китальбинос. Уместно ли тут дивиться вызванной им жгучей ненависти?

Герман Мелвилл. Моби Дик¹

---

¹ Пер. с англ. Инны Бернштейн.

Часть первая

**МУЖЧИНЫ
БЕЗ ЖЕНЩИН**

1

КАК РЫБАЛКА СПАСЛА МНЕ ЖИЗНЬ

•••**F**Е НАДО звать меня Абрахам. Просто Эйб. Хоть имя Абрахам и было мне дано моей матушкой, я его никогда не любил. Оно звучит столь высокомерно, столь по-бibleйски, столь... *патриархально* — кажется, именно это слово мне нужно. Если и есть в мире такая роль, какую я не играю и играть не хочу, — так это роль *патриарха*, этакого былинного главы семьи. Было время, когда я хотел завести хотя бы одного ребенка, но ныне даже вид детей повергает меня в дрожь.

Несколько лет назад (точную дату не назову) я начал рыбачить. Теперь я уже рыбак со стажем — и, как можете догадаться, знаю пару-тройку историй с этой нивы. Такие уж мы, водопахари, верно? Сами не свои баечку стравить. Некоторые мои байки — из жизни; иные — из уст иных. Солидная их доля рассчитана на то, чтобы позабавить слушателя, заставить его улыбнуться, а то и хохотнуть разок-другой — и это, поверьте мне, не пустяки: порой немного веселья может вытянуть вас из омута плохих дней. Есть и такие истории, что я величаю странными. Их я знаю немного, но те, что есть у меня в запасе, заставят вас в недоумении поскрести затылок, а то и мурashki

---

РЫБАК

по загривку пустят... что тоже, по-своему, в удовольствие.

А еще есть у меня такая история, что без всяких оговорок кошмарна. Такая, что рассказывать ее не тянет. Произошла она десять лет назад, в первую субботу июня. К концу того дня я лишился хорошего друга, большей части собственного здравомысления... да что уж там, с жизнью едва-едва не рас прощался. Был на волосок от того, чтобы потерять даже *больше*, чем все вышеперечисленное. Я тогда завязал с рыбалкой на доброе десятилетие. И, хоть сейчас и вернулся к ней потихоньку, никакими силами вы меня не затащите в горы Катскилл, к Голландскому ручью, — в то место, что народная молва нарекла *Der Platz das Fischer*¹.

Ручей вы можете сыскать на своей карте, коли проявите толику дотошности. Следуйте к восточной оконечности водохранилища Ашокан, вверх по Вудстоку, а потом — назад, вдоль южной береговой линии. Скорее всего, найдете не сразу, но теперь-то видите ту жиiden'ку голубую ниточку, что тянется от водохранилища до Гудзона, на север от Уилтвика? Вот там-то все произошло, ну а что именно — мне до сих пор в толк не взять. Могу поведать лишь о том, что видел и слышал сам. Знаю, что воды Голландского ручья глубоки — залегают куда как глубже, чем возможно, глубже, чем *следует*; и не очень-то мне и хочется думать о том, чем они полнятся. Шел я тогда по лесу в обход ручья, к тому месту, что вы не найдете на своей карте — ни на одной из тех, что продаются на бензозаправках или в магазинах това-

---

¹ «Обиталище (место) Рыбака» (нем.) — Здесь и далее примечания переводчика.

ров для рыбалки, его нет. Я стоял на берегу океана, чьи волны были цветом подобны чернилам, коими я вывожу эти слова. Я смотрел, как женщина с кожей столь бледной, словно лунный свет, разевает свой рот — открывает все шире, шире и шире, обнажая ряды острых зубов, что сделали бы честь акульим. Я держал старый нож прямо перед собой в безумно дрожащей руке, пока трое беженцев из ночного кошмара все ближе подступали ко мне. Я... да, вообще-то, я тороплю события, забегаю вперед собственному рассказу. Придется поведать вам еще кое о чем. Например, о Дэне Дрешере — старом бедном Дэне, что отправился со мной в горы в то утро. Пересказать вам историю Говарда, которая ныне имеет для меня куда больше смысла, чем имела тогда, когда я впервые услышал ее в закусочной Германа. Научить вас рыбалке, в конце концов. Всему свое время. Плохо сложенных историй я не приемлю. Истории лучше идти своим путем — ее нельзя взять и поставить, как туристическую палатку. История должна литься — как река, как песня... даже если в ней, как в этой, так много беспроглядной тьмы.

Вам, наверное, интересно, почему я так за нее тряусь. Некоторые вещи настолько плохи, что, просто находясь рядом с ними, вы портитесь, в вашей душе остается пятно зла — как голый участок в лесу, на котором ничто уж не произрастет. Возможно ли подобное зло скрыть в истории? Знаете... маленькие жизненные невзгоды, может, и можно превратить в безобидные анекдоты, рассказанные на вечеринках, но тот случай у ручья — с ним всё по-другому. Он не превратится в анекдот никогда. Он будет нести свою мрачную печать дальше.

Но есть еще кое-что. Есть байка, что мы с Дэном слышали в закусочной Германа. С тех пор как Говард рассказал, что случилось с Лотти Шмидт и ее семьей около девяноста лет назад, я до сих пор не могу выкинуть эту историю из памяти. Сказать, что она мне в мозг въелась, — не сказать ровным счетом ничего. Я могу вспомнить рассказ слово в слово: точно так же, как мог вспомнить Говард, которому обо всем, в свою очередь, рассказал один церковник. Без сомнения, одной из причин живости моей памяти является то, что история Говарда, кажется, объясняет многое из того, что случилось с Дэном и мной позже, в тот же день. Байка о строительстве водохранилища и о том, что покоятся на его дне, беспокойно блуждает по лабиринтам моей памяти. Даже если бы мы прислушались к совету Говарда и не пошли на ручей в тот проклятый день, даже если бы мы развернулись и дали бы стрекача, как, определенно, следовало сделать, услышанное все равно клеймило бы наше дальнейшее бытие. Может ли простая история стать наваждением для слушателя, *овладеть* им? Порой я думаю, что рассказ о событиях той июньской субботы — лишь повод для того старого случая еще разок напомнить о себе миру.

Опять же, однако, я забегаю вперед. Всему свое время — и Лотти Шмидт, и ее папаше Райнера, и человеку, которого он называл *Der Fischer*. Так что давайте-ка вернемся к истокам, и я поведаю вам о величайшей страсти моей жизни — таковой я ее полагал в то время: о страсти к рыбалке.

Рыбачить я научился не в детстве, как многие. Отец брал меня с собой раз-другой, но беда была в том, что он и сам нешибко хорошо управлялся с удочкой, так

что предпочитал обучать меня тому, что у него самого выходило хорошо: бейсболу и игре на гитаре. Прошло где-то двадцать пять или даже тридцать лет после нашей с ним последней рыбалки, когда я проснулся однажды ночью и понял, что хочу пойти и закинуть удочку — желание в той же степени сильное, что и жажда, порожденная изнуряющей июльской жарой. С чего вдруг мне потребовалось порыбачить? Да если бы я только знал. Конечно, положеньице мое было не из легких: я похоронил жену, с которой мы не прожили вместе и двух лет, жил скучной жизнью, о которой снимают дурацкие сериалы с закадровым смехом, заслушивал до дыр пластинки с кантри. А еще я много пил, и так как отец не научил меня обращаться с бутылкой как следует, ничего хорошего из этого не выходило: сначала полбутылки шотландского виски, потом полбутылки вина, потом судорожные объятия с унитазом. Моя работа тоже медленно, но верно шла коту под хвост: я был системным аналитиком IBM в Покепси и всяко заслуживал увольнения, но мне повезло с начальством — меня отправили в длительный отпуск по болезни. В ту пору айбиэмовцы еще держались достойно — утвердили три месяца отгула с полной оплатой; скажи кому сейчас, не поверят. Почти весь первый месяц я потратил, ловя что-то на дне бесчисленных бутылок. Я ел, когда вспоминал о том, что так надо — то есть довольно-таки редко; основу моего рациона составляли бутерброды с арахисовым маслом и джемом, перемежаемые жареной картошкой. Второй месяц во многом походил на первый, если не считать визитов моего брата и родителей покойной жены, ни один из которых не прошел в должной степени хорошо, чтобы вспоминать в подробностях. Все

мы страдали. Мэри была особенной, не похожей на других. Боль от ее утраты била по нам с той же силой, как боль от коренного зуба, грубо вырванного плоско-губцами: рана открытая и чрезвычайно болезненная, и мы постоянно тормошили ее разными воспоминаниями — просто не могли сказать себе «хватит».

На исходе третьего месяца я проводил дни на диване, у телевизора, вливая в себя все, что попадалось под руку. Как видите, я ничему не научился.

В шкафу в спальне у меня были припрятаны коробки из-под обуви, забитые нашими совместными фотографиями, которые я так и не удосужился расставить по альбомам. Когда алкоголь в моей крови побивал определенную отметку, я доставал их и погружался в летопись нашего с Мэри брака. Вот — та пора, когда мы только-только встретились: начало лета, она стала работать у нас сразу после колледжа, и так получилось, что нам с ней перепал один проект на двоих. Поначалу мы лишь обменивались пустыми любезностями, сталкиваясь в проходе. В сентябре того года на вечеринке в честь Дня труда у Тима Стоффеля мы вдруг очутились за одним картежным столом, что в изобилии были разбросаны по лужайке. Мэри приехала с Дженни Барнетт, но Дженни куда-то смылась со Стивом Коллинзом, и из всех остальных посетителей вечеринки лучше всего Мэри знала меня. Она всегда отрицала сей факт, но я вполне уверен — спрашивая у меня, как дела, она просто убивала время, до того как ее тарелка опустеет и можно будет со спокойной совестью пойти домой. Вы, наверное, думаете, что тот разговор навсегда остался в моей памяти. Но черт меня раздери, если сейчас я могу вспомнить что-то, кроме своего восхищения, что она, оказывается, тоже

фанатка Хэнка Уильямса — старшего¹. Честно говоря, я был слишком отвлечен ее слегка избыточной наготой: на ней были только верх от бикини, обрезанные шорты и теннисные туфли. Ну да, типичный мужлан, знаю. Мы сидели, болтали, пока Тим не объявил, что пора бы и по домам. Назад мы возвращались не вместе, но эта встреча оставила след в моей душе — всё вокруг будто стало менее ярким, когда наши с Мэри пути разошлись.

Тем не менее часок-другой приятной беседы ничего тебе не гарантируют, правда? И, возможно, ко мне так бы и не попала эта фотокарточка, которую щелкнула Дженнингс: Мэри, с волосами, собранными в хвост, глаза и большая часть лица скрыты линзами темных очков, бело-желтые бретельки бикини выделяются на фоне сильного летнего загара. По возрасту нас с Мэри разделяли солидные пятнадцать лет — разница достаточная, чтобы задуматься над тем, что я чувствую и чего желаю. Хотел бы я сказать, что моя нерешительность была связана с нежеланием тревожить женщину, достаточно молодую, чтобы годиться мне в племянницы (если не в дочери), но все-таки главная причина крылась в том, что я не хотел, чтобы на меня смотрели как на дурака. *Нет дурня хуже, чем дурень в летах*, говаривал мой отец, и хоть я и не чувствовал себя стариком, сидя рядом с Мэри, в ее кавалеры меня вряд ли с ходу кто-то бы записал.

Вот еще одно фото, весну спустя: мы с Мэри стоим по колено в бурном потоке — ну, мне вода была по колено, а ей, скорее, по ягодицы. Одна из ее по-

---

¹ Хэнк Уильямс — старший (1923—1953) — американский бард, композитор музыки в стиле кантри.